QAZAQSTAN RESPÝBLIKASY
ULTTYQ MÝZEIÍ

МӘДЕНИ МҰРА

ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

научный журнал

CULTURAL HERITAGE

science journal

ISSN: 2708-3365

№ 1 (100)

Астана
2023

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

СЫДЫҚОВ Айбек Жексенәліұлы – PhD докторы (алқа төрағасы) (Қазақстан)

АЯҒАН Бүркітбай Ғылманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АРТЫҚБАЕВ Жамбыл Омарұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ Зайнолла Самашұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ Жәкен Қожахметұлы – ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ЫБЫРАЕВА Ақмарал Ғосманқызы – Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

СҰРАҒАНОВА Зүбайда Қабиқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, этнограф (Қазақстан)

БЕКНАЗАРОВ Рақым Ағыбайұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЙМҰХАМБЕТ Жанат Әскербекқызы – филология ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ФАЙЗУЛЛИНА Ғалия Шаукетовна – тарих ғылымдарының кандидаты, музейтанушы (Қазақстан)

БИҒОЖИН Ұлан Зейноллаұлы – PhD докторы (Қазақстан)

ШЕГЕБАЕВ Пернебек Шегебайұлы – өнертану ғылымының кандидаты (Қазақстан)

РОМАНОВА Екатерина Назаровна – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ресей Федерациясы, Саха Республикасы)

АЙТПАЕВА Гулнара Амановна – филология ғылымдарының докторы, профессор (Қырғызстан)

СТАВСКАЯ Людмила Георгиевна – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қырғызстан)

АНДРАШ Биро Жолт – антрополог (Мажарстан)

ОСМАН Каратай – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия)

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Музей өмірі / Жизнь музея

«Берел» ғылыми-зерттеу қоры 4
Қазақстандағы археологиялық зерттеулердің жетістіктері 6

Самашев З. Новый памятник раннесакского времени в Восточном Казахстане 8
Чугунов К.В. Раннескифский период в Центральной Азии в русле концепции культурно-хронологических горизонтов: опорные памятники и новые открытия 19
Утубаев Ж.Р. Бәбіш мола кешеніндегі жаңа зерттеулердің кейбір нәтижелері 37
Подушкин А.Н. Қаңлы мемлекетінің жоғары өнерінің сюжеттеріне интерпретация 51
Джафаров Г.Ф. О тандеме неолит – энеолит 71
Джафарова Д. Памятники Карабахской группы Ходжалы-Кедабекской археологической культуры (по материалам курганов Довшанлы – Баллукая – Ахмахи) 83
Серхан Ч. Түркиядағы ЮНЕСКО-ның мәдени мұралары тізіміне енген кейбір археологиялық ескерткіштер.....101
Байтлеу Д.А., Искаков А.Ш., Акшабаева Е.Б. Памятники наскального искусства Мугалжар 107
Дарменов Р.Т. История изучения неолитических памятников северо-восточного Приаралья ... 121
Нағашбекова С.М. Ортағасырлық Түркия қолжазбаларындағы Шу, Талас өңіріне қатысты деректер 127
Шильдебаева Ж. Интересные археологические находки древнего городища Тараз 134
Жунисханов А.С. Из истории археологического изучения и предварительные итоги аварийных раскопок на территории г. Семей 140
Чотбаев А.Е., Ержанова А.Е. Жер шаруашылығымен айналысқан Ақбауыр-III қонысы 147

CONTENTS

Museum life

Research Foundation «Berel» 4
Achievements of archaeological research in Kazakhstan 6

Samashev Z. A new site of the Early Saka time in East Kazakhstan 8
Chugunov K.V. The early Scythian period in Central Asia within the concept of cultural-chronological horizons: leading sites and new discoveries 19
Utubayev Zh. Some results of research in the Babish mola complex 37
Podushkin A.N. To the interpretation of the subjects of the high art of the Kangju state 51
Jafarov G.F. About Neolithic-Eneolithic tandem 71
Jafarova D. Sites of Karabakh group of Khojaly-Gedabek archaeological culture (by the materials of the Dovshanly-Ballukaya-Ahmakhi mounds) …. 83

Serhan C. Some archaeological sıte areas ın UNESCO cultural heritage list in Turkey 101

Baitileu D. A., Iskakov A. Sh., Akshabayeva E. B. Sites of rock art of Mugalzhar 107
Darmenov R.T. History of studying Neolitic sites in the north-eastern Aral region 121
Nagashbekova S.M. Data in the medieval Turkish manuscripts related to the Talas, Shu region 127

Shildebayeva Zh. Interesting archaeological finds of the ancient Taraz settlements 134

Zhuniskhanov A.S. From the history of archaeological studies and preliminary results of emergency excavations on the territory of the city of Semey 140
Chotbayev A.E., Yerzhanova A.E. The settlement of Akbauyr-III, engaged in land farming 147

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.02

Чугунов К.В.
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: *chugunovk@mail.ru*

РАННЕСКИФСКИЙ ПЕРИОД В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РУСЛЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТОВ: ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Статья посвящена вопросам синхронизации древностей раннескифского периода, исходя из постулата, что любое явление имеет начало, расцвет и завершение. Рассмотрены ключевые памятники этого времени в Центральной Азии с точки зрения их соотнесения с тремя культурно-хронологическими горизонтами. Кроме того, для уточнения хронологии надо стремиться каждый горизонт разделить на ранние и поздние фазы, что позволит отойти от чрезмерно расширенных датировок в несколько веков. Для каждого горизонта определены опорные комплексы, чья датировка не вызывает возражений и подтверждена независимыми естественно-научными методами или археологическими разработками. В конце статьи представлен новейший материал из элитного погребения, исследованного в Туве в 2022 году.

Ключевые слова: *хронология раннескифского периода, культурно-хронологические горизонты, опорные памятники, Казахстан, Тува.*

Многие вопросы взаимодействия различных кочевых племен в раннескифское время внутри обширного Центрально-Азиатского региона ещё далеки от разрешения. Здесь выделены различные археологические культуры скифского типа, основные из которых – тасмолинская в Казахстане, майэмирская и бийкенская на Горном Алтае и алды-бельская в Туве. Для каждой из этих культур существуют свои периодизации, сопоставление которых между собой затруднено различными подходами исследователей к выделению этапов. Археологи разделяют тасмолинские древности на два этапа (Кадырбаев, 1966), алды-бельскую и бийкенскую на три (Савинов, 1994; 2002; Тишкин, 2007), а майэмирский круг памятников вообще пока не дифференцирован. Такое положение, конечно, неизбежно при начальной стадии исследований, когда первичная группировка материала является поступательным движением к его осмыслению. Но нельзя забывать, что любое явление имеет начало, расцвет и завершение. Историческая периодизация не является исключением (Савинов, 2002: 96), что предполагает её трёхчленную структуру.

Соответственно, правильнее разбить весь массив имеющихся материалов на три последовательных культурно-хронологических горизонта (Яблонский, 2007: 27–31; Чугунов, 2020а), подобно вошедшему в научный обиход европейских скифологов определению РСК

1–3 (1 – 3 этапы раннескифской культуры) (Kossak, 1987; Медведская, 1992). Введение трех горизонтов, с одной стороны, даст возможность отойти, наконец, от чрезмерно расширенных датировок комплексов раннескифского времени в два или даже три столетия, с другой – вести самую общую разработку азиатских кочевнических древностей в едином ключе без привязки к локальным археологическим культурам. Впоследствии надо стремиться к более дробной периодизации, например, к дифференциации каждого горизонта на фазы – сначала на раннюю и позднюю, а затем, по возможности, и на три фазы.

Конечно, сопоставление древностей сильно удаленных друг от друга регионов должно проводиться с учетом их хронологии, которая для каждого комплекса, как правило, весьма относительна. Последнее можно преодолеть путем широкого использования для датировки археологических комплексов независимых методов, например, радиоуглеродного датирования, позволяющего определить позицию памятника на хронологической шкале. Трудности соотнесения с календарным временем радиоуглеродного возраста образцов для раннескифской эпохи не раз отмечались (Евразия в скифскую эпоху… 2005: 64–66), однако для ряда ключевых памятников удалось это сделать при помощи метода согласования датировок дендрообразцов (Там же: 70–92; Зайцева и др., 2007). В результате этой работы в азиатской зоне расселения племен скифского типа появились опорные комплексы, материалы которых могут выступать хронологическими реперами: Аржан-1 для 1-го горизонта; Аржан-2 для 2-го горизонта, возможно, его завершающей фазы.

Раскопки последних двух десятилетий в Казахстане расширили базу источников по ранней истории кочевых племен Центральной Азии. Особое место занимают материалы из северных предгорий Тарбагатая, где в могильнике Елеке Сазы II исследован курган с каменной гробницей на уровне горизонта и сопроводительными захоронениями лошадей. С одной из них найдены роговые псалии с отверстиями в разных плоскостях, которые указывают на чрезвычайно раннюю датировку памятника (Samashev, 2021a: 27–29). Округлые костяные пронизи, обнаруженные с лошадьми, аналогичны найденным в Аржане-1 и являются маркером 1-го горизонта (Чугунов, 2020а). Указанные находки позволяют согласиться с автором раскопок, что он может быть возведен не позднее середины IX в. до н. э., то есть раньше Аржана-1 (Самашев, 2019: 42), но необходимо сделать ряд замечаний.

Другие материалы из этого, к сожалению, сильно ограбленного памятника, не противоречат такой датировке, но и не позволяют сильно разнести его по времени с опорным тувинским комплексом. Так, в заполнении грабительского хода найдена бляшка в виде медведя с длинными когтями, которая является ранним образцом звериного стиля. Развитие этого образа можно увидеть в золотых изделиях из коллекции находок кургана Байгетобе, где окончания лап трактованы запятовидными фигурами. Важно также присутствие в комплексе втульчатого двухлопастного наконечника стрелы с асимметрично-ромбическим пером. В Аржане-1, где преобладают наконечники с ромбической формой пера (Грязнов, 1983: 4; Чугунов, 2000: 216), есть стрела подобной формы, но она имеет шип в основании лопасти, что может указывать на несколько более позднее время. Территориально ближайший набор наконечников с асимметрично-ромбическим пером без шипа известен из кургана 5 в Чиликтинском могильнике (Черников, 1965). Как компонент среди других типов стрел встречены они и в других ранних колчанах, например, в Большом Гумаровском кургане (Исмагилов 1988). Находка в каменном кургане Елеке Сазы II, если она синхронна всему памятнику, отодвигает начальную дату такого типа наконечников, которые характерны для колчанных наборов наиболее раннего этапа раннескифской культуры (РСК-1) в восточно-европейских степях и маркируют первый миграционный импульс с востока (Рябкова, 2014: 242–254).

Каменный курган Елеке Сазы II также чрезвычайно интересен ещё и тем, что вокруг центральной погребальной камеры-цисты из крупных плит в нём открыты безынвентарные сопроводительные могилы в неглубоких ямах, одна из которых содержит захоронение на боку со слабо согнутыми ногами (Самашев, 2019: 41). Такая погребальная поза не характерна для памятников Казахстана, но совершенно обычна для монгун-тайгинской культуры Тувы (Чугунов,

1994). Сейчас известно, что ареал памятников с таким погребальным обрядом чрезвычайно широко распространен от Центральной до Западной Монголии. Для монгольских курганов с вытянутыми захоронениями на боку (типа Сагсай в монгольской историографии) была сделана серия радиоуглеродных датировок по костям человека, которые показали хронологический диапазон от XV до XI вв. до н. э. (Есин и др., 2021: 610). Тува и Горный Алтай являются северной периферией этой культуры, носители которой в этих областях продолжали сосуществовать с населением раннескифского времени (Чугунов, 2020б). К сожалению, мне неизвестны радиоуглеродные определения образцов из каменного кургана, поэтому, соглашаясь с датировкой автора раскопок, можно считать его одним из наиболее ранних комплексов 1-го горизонта.

Вероятно, к этому же времени относится курган 40 могильника Догээ-Баары II в Туве, в котором на уровне горизонта расчищено захоронение двух лошадей и разрушенное мужское погребение, в котором из вещей сохранилась лишь бронзовая игла со специфическим ушком. Анализ материала привел автора раскопок к выводу, что комплекс может датироваться XII – IX вв. до н. э. (Кисель, 2015). Общая близость погребального обряда позволяет рассматривать этот памятник и каменный курган Елеке Сазы II как относящиеся к одной начальной фазе 1-го горизонта, которая может соответствовать так называемому «скрытому» этапу, на существование которого указывал Н.А. Боковенко (1994: 44). Соответственно, комплекс кургана Аржан-1, сложившийся позже, должен быть отнесен к следующей его фазе.

Репером для начальной фазы 2-го горизонта может выступать комплекс кургана Байгетобе, радиоуглеродное датирование дендрообразцов из которого показало календарный интервал 730–690 cal. BC (Panyushkina at al, 2016). К сожалению, материалы из него представлены в основном лишь произведениями прикладного искусства, а единственный втульчатый четырехгранно-двухлопастной наконечник стрелы с листовидным абрисом головки имеет длительный период существования. Пока что анализ произведений искусства звериного стиля, найденных в нем, указывает на его хронологическую позицию между двумя Аржанами (Чугунов, 2011а; 2015: 474). Синхронизация Байгетобе и кургана 2 могильника Талды-2 в Сарыарке, проведенная на основании сходства стилистики золотых бляшек, должна быть подтверждена независимыми определениями радиоуглеродного возраста памятников.

Гораздо более очевидным опорным комплексом 2-го горизонта, вероятно, может являться курган 4 могильника Елеке Сазы II, исследованный З.С. Самашевым в 2018 году (Самашев, 2019; Samashev, 2021b). Материалы его чрезвычайно интересны, но противоречивы, что требует подробного разбора. Непотревоженное мужское захоронение содержало представительный комплект вооружения, включающий кинжал в парадных ножнах и значительный колчанный набор из сорока стрел с однотипными черешковыми наконечниками с четырехгранно-двухлопастной головкой сводчатых очертаний. Этот тип стрел очень редко встречается в комплексах. Вероятно, один такой наконечник присутствует в раннем тасмолинском колчанном наборе из кургана 5ж могильника Карамурун (Кадырбаев, 1966: 377). Один экземпляр, хотя и несколько иных пропорций, известен в Южном Зауралье (Таиров, 2007: 43).

Кинжал в комплексе кургана 4 Елеке Сазы II *(рис. 1)* обладает гораздо большим потенциалом для рассуждений о его хронологии. В целом, морфологические особенности этого предмета близки серии своеобразных кинжалов с прорезными гардами и рукоятями из случайных находок на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана, датированных в пределах VII–VI вв. до н. э. (Таиров, 2007: 145). Кинжал, найденный у с. Мариинского, имеет навершие в виде противопоставленных голов хищников и соответствует оружию из Елеке Сазы II по всем признакам, отличаясь прорезями на крыльях гарды и вдоль рукояти. Если посмотреть шире, то моделировка гарды в виде расположенных под углом прямоугольных выступов близка клинковому оружию памятников новочеркасского типа (Тереножкин, 1976: 97), предшествующих или синхронных комплексам РСК-1 в Восточной Европе. По этому же признаку можно обозначить сходство и с так называемыми «предтагарскими» кинжалами и мечами, имеющими, как правило, грибовидное или кольцевидное навершие рукояти. Они

Рис. 1. *Рукоять кинжала из кургана 4 могильника Елеке Сазы II. Раскопки З.С. Самашева. Областной историко-краеведческий музей Управления культуры Восточно-Казахстанской области (г. Усть-Каменогорск)*

Fig. 1. *Dagger handle from mound 4 of the Eleke Sazy II burial ground. Excavations by Z.S. Samashev. Regional Museum of History and Local Lore of the Department of Culture of the East Kazakhstan Region (Ust-Kamenogorsk)*

Рис. 2. *Бляха в виде свернувшегося хищника из Сибирской коллекции Петра I. Деталь. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)*

Fig. 2. *A plaque in the form of a coiled predator from the Siberian collection of Peter I. Detail. State «Hermitage» (St. Petersburg)*

довольно широко распространены в Сибири, на Алтае и Казахстане (обзор см. Членова, 1976). На хронологию этого типа может указывать находка в Томском могильнике, датировка которого не может быть моложе начала VII в. до н. э., а скорее раньше этой даты.

Вместе с тем, навершие рукояти кинжала из кургана 4 Елеке Сазы II, выполненное в виде зеркально-симметричной композиции голов кошачьего хищника, демонстрирует искусство звериного стиля, архаичное, но не самое раннее. Иконография головы зверя по моделировке глаза, уха и плавности формирующих изображение плоскостей ближе всего известной золотой бляхе в виде свернувшегося хищника из Сибирской коллекции Петра I *(рис. 2)*. Несколько иначе показаны пасти зверей, внутри которых округлые выпуклые фигуры, возможно, передающие язык. Перед фигурами между челюстей угадываются длинные клыки. У свернувшегося хищника из Сибирской коллекции между челюстей тоже есть небольшая перемычка, которую можно трактовать как зубы. Очень показательно, что в погребении найдены две небольшие бляшки, воспроизводящие такой же образ с характерными кольцевыми углублениями на окончаниях лап и хвоста. С точки зрения относительной хронологии важно, что анализ композиционного построения изображений свернувшегося в кольцо хищника привел М.Л. Подольского к выводу, что бляха из Аржана-1 демонстрирует творческий поиск древнего мастера, а пантера из Сибирской коллекции выполнена уже с соблюдением устоявшегося канона (Подольский, 2010: 101). Здесь можно отметить, что, исходя из принципов композиции, рассмотренных в указанной работе, бляшка в виде свернувшегося хищника из кургана 2 могильника Талды-2 в Сарыарке выполнена позже, с отходом от канонических принципов более раннего времени.

Казалось бы, рассмотренные выше категории находок из кургана 4 могильника Елеке Сазы II указывают на то, что памятник

может считаться опорным для начальной фазы 2-го горизонта, однако комплекс включает предметы, хронологические определения которых обычно соотносятся с более поздним периодом – временем Аржана-2. Действительно, золотые обкладки дна и планки колчана, украшение золотым бисером обуви, гривна с закрученным в спираль обручем и плоской планкой (хотя и разделенной на две части) – все эти предметы ассоциируются с комплексом опорного тувинского кургана. Анахронизмом также выглядит бронзовый диск с приклёпанной железной ножевидной рукоятью. Недавно эта категория предметов, распространенная в Южном Зауралье и Казахстане, была вновь рассмотрена А.Д. Таировым (2022: 180–183). Большинство таких «зеркал» (как их чаще всего называют) найдены в воинских комплексах, содержащих кинжалы, которые обычно традиционно датируются в пределах VII – середины VI вв. до н. э. Заметим, что железной рукояти ни у одного из таких изделий ранее известно не было.

Сомнения в ранней дате комплекса может вызвать и великолепный зооморфный декор из зерни на ножнах и днище колчана. Однако нельзя забывать, что изображения, выполненные в технике грануляции, найдены ранее в кургане 5 могильника Чиликты (Черников, 1965: 36–38), содержащем очень ранний набор наконечников стрел. Безусловно, такая технология, требующая высокого мастерства точной пайки (Минасян, 2014: 321–326), была доступна в древности только профессиональным ювелирам, имеющим за плечами длительную школу и большой практический опыт. Мастерские по производству подобных ювелирных шедевров для кочевых вождей в рассматриваемом регионе могли находиться в земледельческих оазисах Синьцзяна. Предметы из курганов северных отрогов Тарбагатая, выполненные с использованием зерни, возможно, были получены именно оттуда. Во всяком случае, установлено, что орнаментика на вещах из Аржана-2 и присутствующая на обкладке планки колчана из комплекса в Елеке Сазы II характерна именно для этого региона (Кисель, 2019).

Таким образом, можно заключить, что комплекс захоронения в кургане 4, несмотря на отмеченные противоречия, должен датироваться раньше Аржана-2. На это указывают наличие здесь архаичного кинжала, ранней иконографии кошачьего хищника, и, вероятно, типологически монолитный набор стрел. Отмеченные соответствия с материалами тувинского кургана, вероятно, можно объяснить тем, что формирование алды-бельской культуры непосредственно связано с территорией Казахстана (Чугунов, 2015). К сожалению, радиоуглеродная дата, полученная по образцу кости погребенного юноши в кургане 4, показала широкий диапазон от начала VIII до середины VI вв. до н. э. (Gnecchi-Ruscone et al, 2021) и не решает проблемы уточнения его хронологии.

В заключение рассмотрения этого яркого памятника необходимо обратить внимание на то, что комплекс предметов, найденный в его ограде и состоящий из многочисленных бусин, подвесок и мелких золотых изделий (Samashev, 2021b: 76), едва ли синхронен захоронению. На это указывают S-видные бляшки, выполненные в виде сложных завитков, ни разу не встреченных в памятниках ранней фазы 2-го горизонта и очень характерных для комплексов следующей фазы (времени Аржана-2). Кроме того, вероятно, ещё более поздним временем можно датировать продолговатые сердоликовые пронизи с наведённым орнаментом в виде белых поперечных полос (Samashev, 2021b: 80). В захоронениях Аржана-2 орнаментированные бусины из сердолика, как полагают, индийские по происхождению, имеют иную, таблитчатую форму с белыми «глазками» (рис. 3а). Эта форма соответствует раннему типу таких изделий по Г. Беку, известному ещё по памятникам Хараппы (Beck 1933). Бусины, похожие по форме на экземпляры из «клада» в кургане 4, найдены в могиле более позднего погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I *(рис. 3б)*. Такие искусственно орнаментированные изделия из сердолика, вероятно, можно считать хронологическими маркерами. Для 2-го горизонта раннескифского времени в степных комплексах характерно присутствие орнаментированных бусин именно таблитчатой (уплощенной) формы, а для следующего, 3-го горизонта, форма их сигарообразная или эллипсоидальная. Такие бусины единично встречаются и в более поздних комплексах, датированных уже V в. до н. э. О.В. Аникеева считает, что их могли производить в Сирии, поскольку находки бусин

Рис. 3. *Орнаментированные бусины из сердолика: а) Аржан-2, могила 13 Б; б) Чинге-Тей I, могила 1*

Fig. 3*. Decorated carnelian beads: a) Arzhan-2, grave 13 B; b) Chinge-Tei I, grave 1*

такой формы в Индии чрезвычайно редки (Аникеева, 2012: 182). Работая с коллекцией каменных бус из курганов Южного Приуралья V–III веков до н. э., она подразделила эти украшения на основании технологии сверления отверстий. В незначительном количестве коллекция включает и орнаментированные бусины эллипсоидальной формы (тип 25 по её классификации). Продольные отверстия в них просверлены алмазным сверлом (Аникеева, 2012: 173). На первый взгляд, бусы из «клада» в ограде кургана 4 могильника Елеке Сазы II именно такие, однако для их уверенного определения надо провести специальные исследования. Показательно, что орнамент на них выполнен в виде поперечных параллельных полос, ассоциирующихся уже с геометризмом второго этапа по Г. Беку (Beck, 1933). Таким образом, комплекс предметов, обнаруженный рядом с оградой кургана, мог быть принесен туда гораздо позже совершения захоронения. Не могли ли эти вещи являться кладом грабителей, зарывших сюда вещи из другого кургана? Настаивать на этой версии я не могу, но не исключено, что установленные специальными исследованиями различия в составе золота из могилы и «клада» (Amir, Martinos-Torres, 2021), возможно, объясняются разным происхождением комплексов.

Почти все упомянутые выше памятники являются захоронениями социальной верхушки кочевых сообществ, что вполне закономерно, так как подобные комплексы концентрируют все культурные достижения своего времени и могут выступать опорными для характеристики культуры, которую они представляют. Очень показательно и едва ли случайно, что для раннескифского (раннесакского) времени большие мемориалы высочайшего ранга, с курганами от 70 м до свыше 100 м в диаметре, в настоящий момент известны только по обе стороны от Алтая – на территории Казахстана и в Туве. Курганы бийкенской культуры, исследованные в алтайских горных долинах, принадлежат рядовым кочевникам и чрезвычайно близки по всем признакам памятникам Тувы. Единственный комплекс, который может быть назван элитным (хотя диаметр его около 30 м) – курган Ак-Алаха-2 справедливо соотносят со временем Аржана-1 (Полосьмак, 2022: 206–209), то есть с 1-ым горизонтом. Предметный комплекс третьего этапа бийкенской культуры полностью соответствует алды-бельскому, известному по материалам Аржана-2, то есть относится к концу 2-го горизонта. Более того, такая близость позволяет предполагать, что ареал племен Горного Алтая входил в раннескифское время в круг вождества, хоронившего элиту племенного объединения в Турано-Уюкской котловине – тувинской «долине царей». Появление носителей алды-бельской культуры в Туве в середине VIII в. до н. э. реконструируется гипотетически, поскольку памятники этого времени пока трудно вычленить из-за отсутствия здесь для начала 2-го горизонта опорных комплексов. Но не исключено, что второй, семисартский (по

А.А. Тишкину (2007)) этап бийкенской культуры как раз соответствует этой фазе, но из третьего, бойтыгемского этапа, ещё предстоит выделить комплексы завершающего 3-го горизонта.

Третий культурно-хронологический горизонт – время трансформации традиций, сложившихся в раннескифское время – на сегодняшний момент, вероятно, является наименее дифференцированным периодом в истории центральноазиатских кочевых обществ. Современное состояние источников не позволяет уверенно выделить позднетасмолинские древности (Бейсенов, 2015: 34), чему в какой-то мере мешает сосредоточенность исследований на ярких памятниках раннего периода. В свое время М.К. Кадырбаев, характеризуя особенности второго этапа тасмолинской культуры, обозначил его признаки в материальном комплексе: распространение трёхгранных и трёхлопастных втульчатых наконечников стрел, переход к удилам с кольцевидными окончаниями и двудырчатыми псалиями, появление зеркал с боковыми рукоятями (Кадырбаев, 1966: 402). Но этот этап им был датирован V–III вв. до н. э., чтобы составить общее представление о памятниках Центрального Казахстана скифского времени в рамках существующих тогда парадигм. Сейчас многие из комплексов, отнесенных к этому периоду, можно датировать раньше, поскольку трехлопастные стрелы определенных типов и зеркала с боковыми рукоятями стали известны в курганах раннескифского времени (Ермолаева, 2012: 81; Бейсенов, 2018). Пропускной способ соединения уздечного комплекта с двудырчатыми псалиями также был внедрен уже в конце этого периода, что показали находки в алды-бельских курганах Тувы (Грач, 1980: 83), но, возможно, появился на территории Казахстана и ранее (Ермолаева, 2012: 59). Такие комплекты узды пока достаточно редки в культурах раннескифского времени, но все они отличаются тем, что удила в них имеют стремевидные окончания, иногда с кольцами или муфтами, в которых отверстия для продевания псалиев расположены параллельно плоскости этих окончаний (то есть ремень повода узды располагался вертикально (Шульга, 2008: 76).

В отличие от Казахстана, где финальный этап тасмолинской культуры пока отчетливо не обоснован, в Туве довольно уверенно очерчен круг памятников, в материалах которых сочетаются признаки как комплексов раннескифского времени, так и последующего периода, который А.Д. Грач выделял в саглынскую культуру и датировал V–III вв. до н. э. Уюкский тип памятников, как предложено их именовать, демонстрирует здесь смену культурных доминант, обусловленную приходом нового населения из западных по отношению к Туве областей, произошедшим где-то в середине VI в. до н. э. и приведшим к смене культуры. Дата эта, конечно, условна, поскольку процесс смены культур не может произойти одномоментно. Тем не менее археологические материалы показывают в культуре населения изменения, которые невозможно объяснить эволюцией традиций раннескифского времени. Эти инновации показаны в специальной работе (Чугунов, 2020: 139), но важно, что они начинают фиксироваться уже в алды-бельских комплексах, которые по этим маркерам можно считать финальными в культуре раннескифского времени.

Погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I *(рис. 4)*, в погребениях которого выявлены эти маркеры, исследуется на севере Тувы в так называемой «Долине царей» Южно-Сибирской археологической экспедицией Эрмитажа с 2008 года. Несмотря на то, что памятник, состоящий из большого «царского» кургана диаметром около 70 м, обнесенного глубоким рвом диаметром 106 м, многочисленных ритуальных сооружений и сателлитного могильника на периферии, изучен ещё не полностью, уже открытые в нем непотревоженные захоронения позволяют считать его опорным для 3-го культурно-хронологического горизонта раннескифского времени. Обобщенные сведения о Чинге-Тее I уже введены в научный оборот (Чугунов, 2011б; 2019а), что позволяет не приводить его подробного описания. Отмечу лишь, что за эти годы здесь открыты восемь воинских погребений под склоном наземного сооружения; изучены участки рва с костями животных, людей и несколькими комплексами бронзовых предметов; серия поминальных сооружений на периферии; яма с разрозненными костями лошадей и людей, расположенная в 40 м к северу ото рва (северный комплекс), а также один небольшой курган в сателлитном могильнике (курган 1 западной цепочки).

Рис. 4. *Погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I. Ортофотография 2021 года*

Fig. 4. *Funeral and memorial complex Chinge-Tei I. Orthophoto 2021*

Многолетние систематические исследования Чинге-Тея I, наблюдения за стратиграфией залегания выкидов грунта из могильных ям, анализ комплектов сопроводительного инвентаря из погребений и культовых приношений во рву и кромлехе кургана позволяют сделать заключение об очень длительном функционировании этого элитного мемориала. Не исключено, что памятник берет свое начало ещё во 2-ом, а может даже и в 1-ом культурно-хронологическом горизонте, на что указывают чрезвычайно ранние радиоуглеродные датировки образцов дерева и кости лошади из рва и северного комплекса. Возможно, что под ещё не исследованным наземным сооружением где-то скрыто относящееся к этим периодам захоронение, но это покажут дальнейшие работы на памятнике. Датировки образцов из восьми открытых могил под склоном кургана гораздо моложе дат из периферийных объектов и ожидаемо показали широкий интервал календарного времени, обусловленный «гальштаттским плато» на калибровочной кривой. Тем не менее почти все даты располагаются в пределах раннескифского периода с верхней границей, не выходящей за середину VI в. до н. э. (начало V в. до н. э. захватывают лишь две широкие датировки).

В этой ситуации решающее значение имеет сравнительный анализ археологического материала, который показывает, что сопроводительные воинские захоронения в кургане Чинге-Тей I совершены позже большинства комплексов, открытых в Аржане-2. На это указывает, прежде всего, рассмотрение колчанных наборов, которых на памятнике на настоящий момент известно девять. Эти наборы, содержащие стрелы с разнообразными в типологическом отношении наконечниками (сейчас их имеется уже больше ста экземпляров), позволили установить тенденцию изменения их комплектности (Чугунов, 2019б). Кроме того, в комплексах Чинге-Тея I обнаружена значительная серия фурнитуры парадных воинских поясов. Благодаря тому, что в одном погребении сохранились не только металлические детали от пояса, но и кожа ремня, удалось понять особенности конструкции этих важных атрибутов, что важно не только для тувинских

Рис. 5. *Чинге-Тей I, могила 9. Общий вид*

Fig. 5. *Chinge-Tei I, grave 9. General view*

памятников, но и для широкого ареала урало-казахстанских степей, где такие пояса были распространены (Чугунов, 2016). При анализе этой категории источников были высказаны определенные наблюдения о хронологии портупейного крепления на поясах – постепенный переход от подковообразных блях к прорезным обоймам, что подтвердилось последними открытиями на памятнике – комплексом могилы, исследованной в 2022 году уже не под склоном, а под основной частью кургана.

Первое захоронение в центральной части кургана (могила 9), так же, как и могилы на его периферии, избежало ограбления и содержало чрезвычайно богатый комплекс *(рис. 5)*. Предварительная публикация с подробным описанием состояния сильно разрушенной погребальной конструкции и условий залегания находок включает также некоторые наблюдения о его хронологии (Чугунов, Сутягина, 2022).

Весь комплекс предметов, найденных в этой богатой могиле, подразделяется на несколько категорий – изделия, относящиеся к декору костюма, и украшения самого погребенного; оружие и портупейная фурнитура на его поясе и лежащая рядом; другие атрибуты, положенные рядом с погребенным. Подавляющее большинство предметов изготовлено из золота или им украшено. Возраст погребенного мужчины устанавливается в диапазоне 20–25 лет, а предварительный антропологический анализ показал близость морфологии его черепа к серии черепов из Аржана-2 (Учанева 2022). Вероятно, в могиле 9 похоронен знатный представитель «царского» рода, но более определенно о родстве с погребенными в Аржане-2 можно будет сказать только после получения результатов генетического анализа, образцы для которого были отобраны.

Суммарное описание комплекса находок и сравнение их с материалами Аржана-2 уже приведено в указанной публикации, но, поскольку многие предметы извлекались в виде монолитов, более подробно их можно будет проанализировать лишь после реставрации. Здесь необходимо кратко рассмотреть некоторые из них с учетом обозначенной темы и выявленных параллелей в древностях Казахстана.

Костюм молодого человека украшали почти полторы тысячи бляшек, которые выполнены в технике тиснения из золотого листа и изображают профильную фигуру стоящего кошачьего хищника, обращенного головой вправо или влево. Каких-то элементов крепления внутри бляшек нет, но многие сохранили внутри заполнение

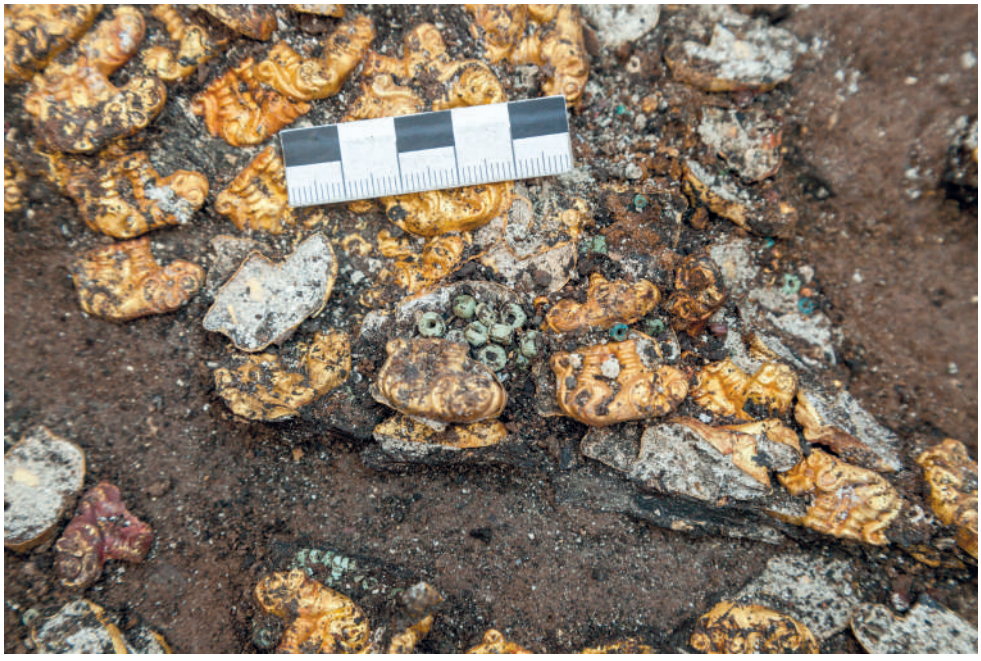

Рис. 6. *Чинге-Тей I, могила 9. Деталь: бляшки декора костюма. Фото В.И. Никифорова*

Fig. 6. *Chinge-Tei I, grave 9. Detail: costume decoration plaques. Photo by V.I. Nikiforov*

из мела. Вероятно, декор был сформирован непосредственно перед погребением на кожаных полосах, которые и пришивались к костюму. Этот вопрос нуждается в специальных исследованиях, но здесь нужно обратить внимание на образ хищника, имеющего на бедре и плече фигурные запятовидные углубления *(рис. 6)*. Такая особенность зафиксирована на нескольких бляшках из кургана 5 в могильнике Талды-2 *(рис. 7)* в Сарыарке (Бейсенов, 2011).

Размещение оружия в могиле полностью соответствует традициям воинских захоронений алды-бельской культуры – в районе пояса погребенного зафиксированы остатки ножен с кинжалом и двумя ножами, а за спиной лежал чекан. Все эти предметы выполнены из железа и украшены золотым орнаментом, но сохранность их не позволяет сделать их подробное описание до реставрации. Остатки двучастного горита, богато украшенного такими же, как на костюме, бляшками, были расчищены за головой погребенного в юго-западном углу погребальной камеры. Колчан содержал большой набор бронзовых втульчатых и зажимных наконечников стрел, среди которых найдено два роговых пулевидных (всего 51 экземпляр). До реставрации пока можно сказать, что в нем, как и в наборе из могилы 5 Аржана-2, отсутствуют черешковые экземпляры, а все стрелы (включая зажимные) имеют четырехгранный боек.

Под горитом лежали два пояса разной ширины *(рис. 8)*, от которых сохранились надетые на них золотые обоймы. На более

Рис. 7. *Бляшка из кургана 5 могильника Талды-2. Раскопки А.З. Бейсенова. Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана)*

Fig. 7. *Plaque from kurgan 5 of the Taldy-2 burial ground. Excavations by A.Z. Beisenov. National Museum of the Republic of Kazakhstan (Astana)*

Рис. 8. *Чинге-Тей I, могила 9. Деталь: гарнитура поясов in situ. Фото В.И. Никифорова*

Fig. 8. *Chinge-Tei I, grave 9. Detail: set of belts in situ. Photo by V.I. Nikiforov*

широкий ремень было надето 18 обойм и наконечник, причем половина обойм имеет петлю на лицевой стороне для продевания дополнительного ремешка. Кроме того, обоймам с петлей соответствует количество ворворок, украшенных треугольниками из зерни. Здесь же найдены две ворворки с декором в виде изображений головы сайги, одна из которых лежала рядом с прямоугольной портупейной обоймой с петлей и прорезью. На более узкий ремень надевалось 16 обойм. Несмотря на разную ширину, обоймы обоих поясов декорированы одинаково – ступенчатыми вырезами с двух сторон *(рис. 9)*. Обоймы таких очертаний, в том числе с петлями, также известны в материалах кургана 5 могильника Талды-2 *(рис. 10)* (Бейсенов, 2011), в погребении у с. Пьяный Яр и ещё в нескольких комплексах.

Рассмотрим этот комплекс находок более подробно. При том что сам пояс выполнен в традициях раннескифского времени – с

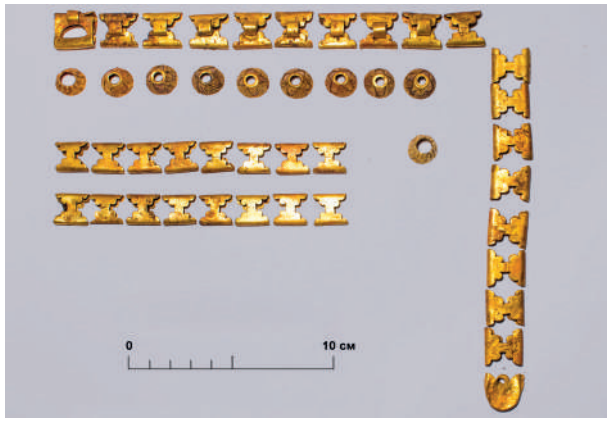

Рис. 9. *Чинге-Тей I, могила 9. Гарнитура поясов*

Fig. 9. *Chinge-Tei I, grave 9. Set of belts*

Рис. 10. *Поясные обоймы и наконечник ремня из кургана 5 могильника Талды-2. Раскопки А.З. Бейсенова. Национальный государственный музей Республики Казахстан (г. Астана)*

Fig. 10. *Belt clips and the tip of the belt from mound 5 of the Taldy-2 burial ground. Excavations by A.Z. Beisenov. National State Museum of the Republic of Kazakhstan (Astana)*

наконечником на свисающем окончании ремня и дополнительными петлями на лицевой стороне для дополнительного ремешка – удивляет и отход от стандарта ширины ремня, который крайне редко бывает менее 3 см. Здесь же размер более широких обойм 1,9 х 1,9 см, а более узких – 1,6 х 1,6 см. Ближайший по размеру ремень с обоймами в виде парных фигур хищников из могилы 4 Чинге-Тея I был шириной 2,3 см. Обоймы из могилы 9 относятся ко второй группе по классификации А.Д. Таирова (Таиров, 2004), который считает, что изделия Х-видных очертаний появляются несколько позднее прямоугольных обойм с зооморфным декором. С такой их позицией можно согласиться, однако пояса с обоймами обеих групп сосуществовали довольно длительное время. В частности, на это указывают находки в исследованных ранее могилах Чинге-Тея I. Следовательно, хронологию таких парадных поясов на сегодняшний день можно рассматривать лишь обобщенно в пределах VII – середины VI вв. до н. э., однако прямоугольная портупейная обойма с прорезью *(рис. 11)* может указывать на самый конец этого периода (Чугунов, 2016). Этот способ портупейного крепления распространился у племен Тувы в следующий уюкско-саглынский период, однако всегда использовался в сочетании с крюками и большими ворворками. Находка прямоугольной портупейной обоймы с прорезью может свидетельствовать о том, что комплекс могилы 9 Чинге-Тея I фиксирует момент появления здесь новых традиций, привнесенных с запада, где такие обоймы были распространены ранее, уже в VII в. до н. э. (Чугунов, 2016: 352–356).

Однако самая удивительная находка в могиле 9 была сделана ближе к северо-западному углу погребальной камеры. Здесь, на месте обычного в алды-бельских могилах деревянного ковша, расчищен раздавленный сосуд из прозрачного зеленоватого стекла *(рис. 12)*. По форме это невысокая литая чаша с округлым дном, выраженным плечиком, резко отогнутым венчиком и резным декором на поверхности. Присутствие такого изделия, несомненно, произведенного за многие тысячи километров от Центральной Азии, в странах Ближнего Востока, предоставляет уникальную возможность выхода на хронологию, несоизмеримо лучше обеспеченную абсолютными историческими датами. Предварительное знакомство с имеющимися источниками пока приводит к заключению, что такая форма сосуда более

Рис. 11. *Чинге-Тей I, могила 9. Портупейная обойма*

Fig. 11. *Chinge-Tei I, grave 9. Harness clip*

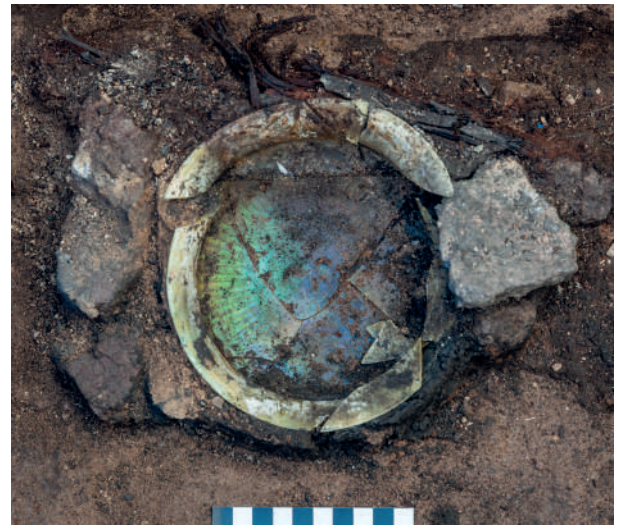

Рис. 12. *Чинге-Тей I, могила 9. Стеклянная чаша in situ. Фото В.И. Никифорова*

Fig. 12. *Chinge-Tei I, grave 9. Glass bowl in situ. Photo by V.I. Nikiforov*

характерна для позднеассирийской посуды, чем для ахеменидского времени. Впрочем, не исключено, что появление стеклянной чаши в элитной могиле Чинге-Тея I как-то связано с бурными событиями конца VII – середины VI вв. до н. э. – крушением Ассирии, возвышением Мидии, походом Кира Великого на восток и его гибелью в битве с массагетами. Однако такие заключения требуют всестороннего исследования самого предмета, что ещё впереди. Но, как бы то ни было, такие материалы заставляют рассматривать погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I как важнейший опорный памятник 3-го культурно-хронологического горизонта раннескифского времени. В Казахстане опорным для этого горизонта может выступать комплекс кургана 5 могильника Талды-2, о сравнительно поздней датировке которого говорилось и ранее.

Подводя итог, можно перечислить основные памятники восточной зоны степей, которые возможно синхронизировать по горизонтам раннескифского времени и их фазам.

1-й горизонт, ранняя фаза: Елеке Сазы II, каменный курган; Догээ-Баары II, курган 40.

1-й горизонт, поздняя фаза: Аржан-1; Аржан-5; Туннуг; Ак-Алаха-2; Бесшатыр (?).

2-й горизонт, ранняя фаза: Елеке Сазы II, курганы 4 и 7; Чиликты, курган 5; Байгетобе; Талды-2, курган 2.

2-й горизонт, поздняя фаза: Аржан-2; Жалаулинский клад; Кичигино I, курган 5.

3-й горизонт: Чинге-Тей I; Талды-2, курган 5.

Литература

1. Аникеева О.В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.). Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. 1. – М., 2012. – С. 168–188.

2. Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011.

3. Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы, 2015. – С. 11–38.

4. Бейсенов А.З. Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул, 2018. – С. 139–149.

5. Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. – С.41–48.

6. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.

7. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Вып. 12. – Кемерово, 1983. – С. 3–18.

8. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / ред.: Зайцева Г.И., Боковенко Н.А., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В., Скотт Е.М. – СПб., 2005. – 290 с.

9. Есин Ю.Н., Магай Ж., Гантулга Ж.О., Ерүүл-Эрдене Ч. Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. статей, посв. 80-летию проф. Д.Г. Савинова. – СПб., ИИМК РАН, 2021 (Труды ИИМК РАН. Т. LVII). – С. 600–620.

10. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 238 с.

11. Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенцов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., ван дер Плихт Й., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: мат. конф., посв. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. – СПб., 2007. – С. 251–262.

12. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. – Вып. 29. 1988. – С. 29–47.

13. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – С. 303–433.

14. Кисель В.А. Начало кочевнической культуры в Центре Азии // АСГЭ. СПб., 2015. Вып. 40. – С. 54–67.

15. Кисель В.А. Погребальное убранство из кургана Аржан-2: декор, технологии, авторство // Camera praehistorica. № 2 (3). – СПб., 2019. – С. 93–122.

16. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – № 3. 1992. – С. 86–106.

17. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб., 2014. – 472 с.

18. Подольский М.Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. – СПб., 2010. – 192 с.

19. Полосьмак Н.В. Памятник раннескифского времени Ак-Алаха-2 // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы Межд. конф., посв. 120-летию М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2022, – С. 206–209.

20. Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. Вып. 4. – СПб., 2014. – С. 372–432.

21. Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс. – СПб., 1994. – С. 76–92.

22. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб., 2002. – 204 с.

23. Самашев З.С. К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане // Turkic Studies Journal, Number 1, Volume 1, 2019. – С. 37–60.

24. Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // РА. 2004. – №1. – С. 140–145.

25. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск, 2007. – 274 с.

26. Таиров А.Д. Об одной из категорий «зеркал» раннесакского времени // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы Межд. конф., посв. 120-летию М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – С. 180–183.

27. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976. – 224 с.

28. Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 3. – Барнаул, 2007. – С. 146–158.

29. Учанева Е.Н. Элитное захоронение в кургане Чинге-Тей I: предварительный анализ антропологических данных // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – С. 145–153.

30. Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М., 1965. – 190 с.

31. Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М., 1976. – 104 с.

32. Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. – Вып. 8. – СПб., 1994. – С. 43–53.

33. Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. – СПб., 2000. – С. 213–238.

34. Чугунов К.В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тувы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011а. – С. 69–77.

35. Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: Материалы межд. симпозиума. – Новосибирск, 2011б. – С. 358–369.

36. Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. – СПб., 2015. (ТГЭ (Т.) 77). – С. 457–486.

37. Чугунов К.В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск, 2016. – С. 336–356.

38. Чугунов К.В. Исследования погребально-поминального комплекса Чинге-

Тэй I в Туве // АСГЭ. СПб., 2019а. – Вып. 42. – С. 92–109.

39. Чугунов К.В. Классификация стрел К.Ф. Смирнова и колчанные наборы раннескифского времени восточной зоны как хронологический индикатор // Скифия и Сарматия. К 100-летию К.Ф. Смирнова. М, ИА РАН, 2019б. – С. 31– 44.

40. Чугунов К.В. Маркеры культурно-хронологических горизонтов раннескифского времени в азиатской зоне степей Евразии – опыт выделения // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Межд. конф., посв. 100-летию А.М. Мандельштама и 90-летию И.Н. Хлопина. – СПб.: ИИМК РАН, 2020а. – С. 229–231.

41. Чугунов К.В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // Археологические вести. – Вып. 26. – СПб., 2020б. – С. 136–143.

42. Чугунов К.В., Сутягина Н.А. Элитное захоронение раннескифского времени в кургане Чинге-Тей I: предварительная публикация и перспективы исследований // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – С. 8–25.

43. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Раннескифское время. – Барнаул, 2008. – 276 с.

44. Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: мат. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Волгоград, 2007. – С. 4–35.

45. Amir S., Martinos-Torres M. Goldworking of the Great Steppe: Technical Analysis of Gold Artefacts from Elee Sazy // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021. – P. 137–154.

46. Beck H.C. Etched Carnelian Beads // The Antiquaries Journal. 1933. Vol. 13. – P. 384–397.

47. Gnecchi-Ruscone G. A., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Musralina L., Spyrou M. A., Bianco R. A., Radzeviciute R., Filipe Gomes Martins N., Freund C., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Kitov E., Samashev Z., Beisenov A., Berezina N., Berezin Y., Zsolt Bíró A., Évinger S., Bissembaev A., Akhatov G., Mamedov A., Onggaruly A., Voyakin D., Chotbayev A., Kariyev Y., Buzhilova A., Djansugurova L., Jeong C., Krause J. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians. Science Advances. 2021; 7. – P. 1–14.

48. Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. – P. 24–86.

49. Panyushkina I.P. ,Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J-M., Toleubaev A.T. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron age Saka Semetery in Shilikty Valley, Kazakhstan // Radiocarbon, 2016. 58 (1). – P. 1–11.

50. Samashev Z. The Illustrious Culture of the early Nomads in the Kazakh Altai // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021a. – P. 13–67.

51. Samashev Z. Eleke Sazy, Kurgan 4 // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021b. – P. 69–102.

References

1. Anikeeva O.V. Ukraşenia ahemenidskogo kruga iz svetnogo kamnä (na primere izuchenia kamenyh bus iz kurganov rannih kochevnikov İujnogo Priurälä) // M.İu. Treister, L.T. İablonski (red.). Vliania ahemenidskoi kültury v İujnom Priurale (V–III vv. do n. e.). T. 1. – M., 2012. – S. 168–188.

2. Beisenov A.Z. Saryarka – kolybel stepnoi sivilizasii. – Almaty, 2011.

3. Beisenov A.Z. Poselenia i mogilniki sakskoi epohi Senträlnogo Kazahstana // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izuchenia etnososiokülturnyh prosesov Stepnoi Evrazii. – Almaty, 2015. – S. 11–38.

4. Beisenov A.Z. Tasmolinskie pogrebenia mogilnika Kyzyl // Sovremennye reşenia aktuälnyh problem evraziskoi arheologii. Vyp. 2. Barnaul, 2018. – S. 139–149.

5. Bokovenko N.A. Problemy genezisa pogrebälnogo obräda rannekochevnicheskoi znati Senträlnoi Azii // Elitnye kurgany stepei Evrazii v skifo-sarmatskuiu epohu. SPb., 1994. – C.41–48.

6. Grach A.D. Drevnie kochevniki v sentre Azii. – M., 1980. – 256 s.

7. Gräznov M.P. Nachälnaia faza razvitia skifo-sibirskih kültur // Arheologia Iujnoi Sibiri. Vyp. 12. – Kemerovo, 1983. – S. 3–18.

8. Evrazia v skifskuiu epohu: radiouglerodnaia i arheologicheskaia hronologia / red.: Zaiseva G.İ., Bokovenko N.A., Alekseev A.Iu., Chugunov K.V., Skot E.M. – SPb., 2005. – 290 s.

9. Esin Iu.N., Magai J., Gantulga J.-O., Eruul-Erdene Ch. Kolesnisa v külture naselenia epohi bronzy Senträlnoi Mongolii (po materialam iz doliny reki Hoid Tamir) // Tvores kültury. Materiälnaia kültura i duhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. statei, posv. 80-letiu prof. D.G. Savinova. – SPb., İİMK RAN, 2021 (Trudy İİMK RAN. T. LVII). – S. 600–620.

10. Ermolaeva A.S. Pamätniki predgornoi zony Kazahskogo Altaia (epoha bronzy – rannee jelezo). – Almaty, 2012. – 238 s.

11. Zaiseva G.İ., Chugunov K.V., Alekseev A.Iu., Dergachev V.A., Vasilev S.S., Semensov A.A., Kuk G.T., Skot E.M., van der Pliht İ., Bokovenko N.A., Külkova M.A., Burova N.D., Lebedeva L.M., Iunger H., Sonninen E. İstoria i rezültaty radiouglerodnogo datirovania kurgana Arjan // Radiouglerod v arheologicheskih i paleoekologicheskih issledovaniah: mat. konf., posv. 50-letiu radiouglerodnoi laboratorii İİMK RAN. – SPb., 2007. – S. 251–262.

12. İsmagilov R.B. Pogrebenie Bölşogo Gumarovskogo kurgana v Iujnom Priurale i problema proishojdenia skifskoi kültury // ASGE. – Vyp. 29. 1988. – S. 29–47.

13. Kadyrbaev M.K. Pamätniki tasmolinskoi kültury // Drevnäia kültura Senträlnogo Kazahstana. – Alma-Ata, 1966. – S. 303–433.

14. Kisel V.A. Nachalo kochevnicheskoi kültury v Sentre Azii // ASGE. SPb., 2015. Vyp. 40. – S. 54–67.

15. Kisel V.A. Pogrebälnoe ubranstvo iz kurgana Arjan-2: dekor, tehnologii, avtorstvo // Camera praehistorica. № 2 (3). – SPb., 2019. – S. 93–122.

16. Medvedskaia İ.N. Periodizasia skifskoi arhaiki i Drevni Vostok // RA. – № 3. 1992. – S. 86–106.

17. Minasän R.S. Metaloobrabotka v drevnosti i Srednevekove. – SPb., 2014. – 472 s.

18. Podölski M.L. Zver, kotoryi byl sam po sebe, ili Fenomenologia skifskogo zverinogo stilä. – SPb., 2010. – 192 s.

19. Polösmak N.V. Pamätnik raneskifskogo vremeni Ak-Alaha-2 // Evrazia v eneolite – rannem srednevekove (innovasii, kontakty, transläsii idei i tehnologi): Materialy Mejd. konf., posv. 120-letiu M.P. Gräznova. – SPb.: İİMK RAN, 2022, – S. 206–209.

20. Räbkova T.V. Kurgan 524 u s. Jabotin v sisteme pamätnikov perioda skifskoi arhaiki // RAE. Vyp. 4. – SPb., 2014. – S. 372–432.

21. Savinov D.G. Tuva raneskifskogo vremeni «na perekrestke» külturnyh tradisi (aldy-belskaia kültura) // Külturnye transläsii i istoricheski proses. – SPb., 1994. – S. 76–92.

22. Savinov D.G. Rannie kochevniki Verhnego Eniseia (arheologicheskie kültury i külturogenez). – SPb., 2002. – 204 s.

23. Samaşev Z.S. K voprosu o formirovanii ranesakskogo külturnogo kompleksa v Vostochnom Kazahstane // Turkic Studies Journal, Number 1, Volume 1, 2019. – S. 37–60.

24. Tairov A.D. Ranesakskie boevye poiasa // RA. 2004. – №1. – S. 140–145.

25. Tairov A.D. Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepei v VII–VI vv. do n. e. – Cheläbinsk, 2007. – 274 s.

26. Tairov A.D. Ob odnoi iz kategori «zerkal» ranesakskogo vremeni // Evrazia v eneolite – rannem srednevekove (innovasii, kontakty, transläsii idei i tehnologi): Materialy Mejd. konf., posv. 120-letiu M.P. Gräznova. – SPb.: İİMK RAN, 2022. – S. 180–183.

27. Terenojkin A.İ. Kimerisy. – Kiev, 1976. – 224 s.

28. Tişkin A.A. Etapy razvitia bikenskoi kültury Altaia // Teoria i praktika arheologicheskih issledovani. – Vyp. 3. – Barnaul, 2007. – S. 146–158.

29. Uchaneva E.N. Elitnoe zahoronenie v kurgane Chinge-Tei I: predvaritelnyi analiz antropologicheskih dannyh // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – S. 145–153.

30. Chernikov S.S. Zagadka zolotogo kurgana. – M., 1965. – 190 s.

31. Chlenova N.L. Karasukskie kinjaly. – M., 1976. – 104 s.

32. Chugunov K.V. Mongun-taiginskaia kültura epohi pozdnei bronzy Tuvy (tipologicheskaia klasifikasia pogrebälnogo obräda i otnositelnaia hronologia) // Peterburgski arheologicheski vestnik. – Vyp. 8. – SPb., 1994. – S. 43–53.

33. Chugunov K.V. Bronzovye nakonechniki strel skifskogo vremeni Tuvy // Mirovozzrenie.

Arheologia. Ritual. Kültura: sb. statei k 60-letiu M. L. Podölskogo. – SPb., 2000. – S. 213–238.

34. Chugunov K.V. Sinhronizasia arheologicheskih kültur ranesakskogo vremeni Kazahstana i Tuvy // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izuchenia etnososiokülturnyh prosesov stepnoi Evrazii. – Karagandy, 2011a. – S. 69–77.

35. Chugunov K.V. Diskretnöst postroiki «sarskih» memorialov Tuvy i hronologia raneskifskogo vremeni // «Terra Scythica»: Materialy mejd. simpoziuma. – Novosibirsk, 2011b. – S. 358–369.

36. Chugunov K.V. Formirovanie kültur rannih kochevnikov v Kazahstane i Saiano-Altae (k postanovke problemy) // Arheologia bez granis: koleksii, problemy, issledovania, gipotezy. – SPb., 2015. (TGE (T.) 77). – S. 457–486.

37. Chugunov K.V. Paradnye poiasa kochevnikov Azii v raneskifskoe vremä // Altai v krugu evraziskih drevnostei / otv. red. A.P. Derevänko, V.İ. Molodin. – Novosibirsk, 2016. – S. 336–356.

38. Chugunov K.V. İssledovania pogrebälno-pominälnogo kompleksa Chinge-Tei I v Tuve // ASGE. SPb., 2019a. – Vyp. 42. – S. 92–109.

39. Chugunov K.V. Klasifikasia strel K.F. Smirnova i kolchannye nabory raneskifskogo vremeni vostochnoi zony kak hronologicheski indikator // Skifia i Sarmatia. K 100-letiu K.F. Smirnova. M, İA RAN, 2019b. – S. 31– 44.

40. Chugunov K.V. Markery külturno-hronologicheskih gorizontov raneskifskogo vremeni v aziatskoi zone stepei Evrazii – opyt vydelenia // Drevnie i srednevekovye kültury Senträlnoi Azii (stanovlenie, razvitie i vzaimodeistvie urbanizirovannyh i skotovodcheskih obşestv): Materialy Mejd. konf., posv. 100-letiu A.M. Mandelştama i 90-letiu İ.N. Hlopina. – SPb.: İİMK RAN, 2020a. – S. 229–231.

41. Chugunov K.V. Tuva v pervom tysächeletii do n. e.: model mültikülturnosti // Arheologicheskie vesti. – Vyp. 26. – SPb., 2020b. – S. 136–143.

42. Chugunov K.V., Sutägina N.A. Elitnoe zahoronenie raneskifskogo vremeni v kurgane Chinge-Tei I: predvaritelnaia publikasia i perspektivy issledovani // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – S. 8–25.

43. Şülga P.İ. Snaräjenie verhovoi loşadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. 1. Raneskifskoe vremä. – Barnaul, 2008. – 276 s.

44. İablonski L.T. Problema hronologii i tipologizasii sarmatskih kültur na sovremennom etape ih izuchenia (v svete noveişih materialov iz İujnogo Priurälä) // Regionälnye osobenosti ranesarmatskoi kültury: mat. seminara Sentra izuchenia istorii i kültury sarmatov. – Volgograd, 2007. – S. 4–35.

45. Amir S., Martinos-Torres M. Goldworking of the Great Steppe: Technical Analysis of Gold Artefacts from Elee Sazy // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021. – P. 137–154.

46. Beck H.C. Etched Carnelian Beads // The Antiquaries Journal. 1933. Vol. 13. – P. 384–397.

47. Gnecchi-Ruscone G. A., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Musralina L., Spyrou M. A., Bianco R. A., Radzeviciute R., Filipe Gomes Martins N., Freund C., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Kitov E., Samashev Z., Beisenov A., Berezina N., Berezin Y., Zsolt Bíró A., Évinger S., Bissembaev A., Akhatov G., Mamedov A., Onggaruly A., Voyakin D., Chotbayev A., Kariyev Y., Buzhilova A., Djansugurova L., Jeong C., Krause J. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians. Science Advances. 2021; 7. – P. 1–14.

48. Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. – R. 24–86.

49. Panyushkina I.P. ,Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J-M., Toleubaev A.T. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron age Saka Semetery in Shilikty Valley, Kazakhstan // Radiocarbon, 2016. 58 (1). – P. 1–11.

50. Samashev Z. The Illustrious Culture of the early Nomads in the Kazakh Altai // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021a. – P. 13–67.

51. Samashev Z. Eleke Sazy, Kurgan 4 // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021b. – P. 69–102.

Чугунов К.В.
Мемлекеттік Эрмитаждың Шығыс Еуропа және Сібір археологиясы бөлімі
Санкт-Петербург қ., Ресей
e-mail: *chugunovk@mail.ru*

ОРТА АЗИЯДАҒЫ МӘДЕНИ-ХРОНОЛОГИЯЛЫҚ КЕЗЕҢДЕР КОНЦЕПЦИЯСЫ АҒЫМЫНДАҒЫ ЕРТЕ СКИФ ДӘУІРІ: ТІРЕК ЕСКЕРТКІШТЕР ЖӘНЕ ЖАҢА АШЫЛЫМДАР

Мақала кез келген құбылыстың бастауы, өркендеуі және аяқталуы болады деген постулат үдесінен шыға отырып, ерте скиф дәуіріндегі көне дүниелерді синхрондау мәселелеріне арналған. Орталық Азиядағы аталған уақыттың негізгі ескерткіштері олардың үш мәдени-хронологиялық көкжиекпен байланысы тұрғысынан қарастырылады. Сонымен қатар, хронологияны нақтылау үшін әрбір кезеңді ерте және кеш фазаларға бөлуге тырысу керек, бұл бірнеше ғасырлардағы шамадан тыс ұзартылған даталардан бас тартуға мүмкіндік береді. Әрбір кезең үшін даталары дау тудырмайтын және тәуелсіз табиғи-ғылыми әдістермен немесе археологиялық әзірлемелермен расталған тірек кешендер анықталады. Мақаланың соңында 2022 жылы Тувада зерттелген элиталық жерлеудің соңғы материалы берілген.

Кілт сөздер: *ерте скиф дәуірінің хронологиясы, мәдени-хронологиялық көкжиектер, анықтамалық ескерткіштер, Қазақстан, Тува.*

Chugunov K.V.
Department of Archeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage
St. Petersburg, Russia
e-mail: *chugunovk@mail.ru*

THE EARLY SCYTHIAN PERIOD IN CENTRAL ASIA WITHIN THE CONCEPT OF CULTURAL-CHRONOLOGICAL HORIZONS: LEADING SITES AND NEW DISCOVERIES

The article is devoted to the issues of synchronization of antiquities of the early Scythian period, based on the postulate that any phenomenon has a beginning, flourishing and completion. The key monuments of this time in Central Asia are considered from the point of view of their correlation with three cultural and chronological horizons. In addition, in order to refine the chronology, it is necessary to strive to divide each horizon into early and late phases, which will make it possible to move away from excessively extended dates of several centuries. For each horizon, reference complexes are identified, whose dating does not raise objections and is confirmed by independent natural-scientific methods or archaeological developments. At the end of the article, the latest material from an elite burial, investigated in Tuva in 2022, is presented.

Keywords: *chronology of the early Scythian period, cultural and chronological horizons, reference sites, Kazakhstan, Tuva.*